

СТИВЕН КИНГ

СТИВЕН КИНГ

МИСТЕР МЕРСЕДЕС

**КТО НАШЕЛ,
БЕРЕТ СЕБЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

К41

Stephen King
FINDERS KEEPERS

Перевод с английского В. Вебера

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Кто нашел, берет себе. Мистер Мерседес-2 / Стивен Кинг ; [перевод с английского В. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 448 с.

ISBN 978-5-17-138330-5 (Серия «Хиты экрана: Кинг»)

*The MR. MERCEDES television series is copyrighted
by Sony Pictures Television Inc. All rights reserved.*

Компьютерный дизайн В. Воронина

ISBN 978-5-17-112488-5 (Серия «Король на все времена»)

Художник В. Лебедева

Компьютерный дизайн А. Смирнова

Фото автора на обложке: Shane Leonard

«Просыпайся, гений» — с этих слов начинается новый потрясающий роман Стивена Кинга. Книга о силе Слова, в какой-то степени продолжающая историю, которую писатель начал в романе «Мистер Мерседес», и в то же время перекликающаяся с одним из лучших его произведений — «Мизери».

Гений — писатель Ротстайн, прежде бунтарь, а теперь затворник, вот уже долгие годы ничего не публикует. Но это не значит, что он ничего не пишет. В его доме — множество черновиков, ждущих «своего часа». Сборники стихов, рассказы и даже продолжение знаменитой саги, изменившей судьбы едва ли не целого поколения фанатов Ротстайна.

Но теперь крутой поворот делает судьба самого писателя — черновики похищают, а Ротстайна жестоко убивают...

Однако пройдет много лет, прежде чем блокноты писателя вновь всплывут на поверхность, чтобы самым непостижимым образом соединить людей, имевших отношение к трагическим событиям, связанным с Мистером Мерседесом...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Stephen King, 2015

© Перевод. В. Вебер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

С мыслями о Джоне Д. Макдональде

Только спускаясь в бездну, мы вновь
облетаем сокровища жизни.

Джозеф Кэмпбелл

Дерьмо ни хрена не значит.

Джимми Голд

Часть I

КЛАД

1978 ГОД

Просыпайся, гений.
— Ротстайн просыпаться не хотел. Слишком хороший был сон. Главную роль в нем играла его первая жена, за полгода до того, как они поженились, семнадцатилетнее совершенство от макушки до пяток. Ослепительно нагая. Нагим был и он, девятнадцатилетний, с грязью под ногтями, но она ничего не имела против, во всяком случае, тогда, потому что он жил мечтами, а мечтать она любила. Она верила в его мечты даже больше, чем он сам, и правильно делала. Во сне она смеялась и тянулась к той части его тела, которая сама напрашивалась, чтобы ее схватили. Ротстайн попытался еще глубже уйти в этот сон, но кто-то начал трясти его за плечо, и сон лопнул как мыльный пузырь.

Его девятнадцать остались в далеком прошлом, как и двухкомнатная квартира в Нью-Джерси. Через полгода ему исполнится восемьдесят, и проснулся он на ферме в Нью-Хэмпшире, где завещал себя похоронить. В его спальне находились мужчины. Они были в балаклавах, красной, синей и канареечно-желтой. Увидев их, Ротстайн попытался убедить себя, что это всего лишь другой сон — сладостный соскользнул в кошмарный, как иногда случалось, — но чужая рука еще крепче ухватила его за плечо и скинула с кровати. Он ударился головой и вскрикнул.

— Полегче, — бросил Желтая Маска. — Хочешь, чтобы он отключился?

— Только глянь! — Мужчина в красной маске ткнул пальцем. — У него стояк. Классный, видать, был сон.

Синяя Маска, тот, что тряс Ротстайна за плечо, возразил:

— Стоит, потому что срать охота. В таком возрасте от другого уже не встает. Мой дед...

— Угомонись, — осадил его Желтая Маска. — Твой дед никого не интересуется.

Все еще ошеломленный, не вырвавшийся из объятий сна, Ротстайн тем не менее понимал, что попал в беду. *Незаконное проникновение в дом*, вертелось в голове. Он смотрел снизу вверх на трио, появившееся в его спальне. Голова болела (справа появится огромный синяк, спасибо препаратам, разжижающим кровь, которые он принимал), сердце с опасно истончившимися стенками жутко колотилось. Они нависали над ним, трое мужчин, скрывших лица под вселяющими ужас балаклавами, в перчатках и осенних куртках из шотландки. Налетчики и он, в пяти милях от города.

Ротстайн собрался с мыслями, насколько мог, отгоняя сон и говоря себе, что и в этой ситуации есть светлая сторона: если эти люди не хотят, чтобы он увидел их лица, значит, намерены оставить его в живых.

Возможно.

— Господа... — начал он.

Мистер Желтый рассмеялся и воздел руки с поднятыми вверх большими пальцами:

— Хорошее начало, гений.

Ротстайн кивнул, словно получил комплимент. Взглянул на часы у кровати — четверть третьего, — потом вновь посмотрел на мистера Желтого, возможно, главаря.

— Денег у меня не много, но вы можете их взять. Только не трогайте меня.

Порыв ветра зашуршал листьями у западной стены дома. Ротстайн обратил внимание, что шумит водогрейный котел, впервые с весны. Неужели лето закончилось?

— А нам шепнули, что денег у тебя предостаточно, — возразил мистер Красный.

— Придержи язык. — Мистер Желтый протянул руку. — Поднимайся, гений.

Ротстайн схватился за руку, не без труда поднялся и тут же упал на кровать. Он тяжело дышал, но при этом прекрасно отдавал себе отчет (самоанализ всю жизнь являлся его проклятием и благословением), какую являет собой картину: старик в болтающейся пижаме, вместо волос — облачка белого пуха за ушами. Вот что стало с писателем, о котором в год избрания президентом Джона Кеннеди журнал «Тайм» написал на обложке: «ДЖОН РОТСТАЙН, АМЕРИКАНСКИЙ ГЕНИЙ-ЗАТВОРНИК».

Просытайся, гений.

— Отдышись, — продолжил мистер Желтый. Голос звучал успокаивающе, но Ротстайн ему не верил. — Потом перейдем в гостиную, где нормальные люди обычно беседуют. Спешить некуда. Успокойся.

Ротстайн задышал медленно и глубоко, и сердце чуть замедлило бег. Он попытался думать о Пегги, ее грудях с чайную чашку (маленьких, но идеальной формы), длинных ногах с гладкой кожей, но сон ушел, как и тогдашняя Пегги, теперь превратившаяся в старую каргу, живущую в Париже. На его деньги. По крайней мере Иоланта, его вторая попытка в обретении семейного счастья, уже умерла, положив конец выплате алиментов.

Красная Маска покинул спальню, и Ротстайн слышал, как тот шурует в его кабинете. Что-то упало. Ящики выдвигались и задвигались.

— Полегчало? — спросил мистер Желтый, а когда Ротстайн кивнул, добавил: — Тогда пошли.

Ротстайна увели в маленькую гостиную. Мистер Синий пристроился слева, мистер Желтый — справа. Погром в кабинете продолжался. Скоро мистер Красный заглянет в стеной шкаф, сдвинет пару пиджаков и три свитера и обнаружит сейф. Иначе быть не могло.

Ну и ладно. При условии, что они оставят записные книжки, но с чего им брать записные книжки? Таких бандюг интересуют только деньги. Письма в «Пентхаус» — самое сложное, что они способны прочесть.

Вот только Желтая Маска вызывал у него сомнения. Он походил на образованного.

В гостиной горели все лампы, шторы были открыты. Бодрствующие соседи могли бы задаться вопросом, а что происходит в доме старика-писателя... будь у него соседи. Но ближайшие жили в двух милях от него, на шоссе. Он ни с кем не дружил, никто не заглядывал к нему в гости. Редкого коммивояжера тут же отправляли куда подальше. Ротстайн относился к таким странным старикам. Отошедший от дел писатель. Затворник. Он платил налоги, и его не трогали.

Синий и Желтый подвели его к креслу перед телевизором, который Ротстайн включал редко. Он не успел быстро сесть, и Синий его толкнул.

— Полегче! — бросил Желтый. Синий отступил на шаг, что-то бормоча. Мистер Желтый командовал, это точно. Он был главарем и теперь склонился над Ротстайном, уперев руки в колени, обтянутые вельветовыми штанами.

— Выпьешь чего-нибудь, чтобы окончательно прийти в себя?

— Если вы насчет спиртного, то я бросил двадцать лет назад. По настоянию врачей.

— Это хорошо. На встречи ходишь?

— Я не был *алкоголиком*, — раздраженно ответил Ротстайн. Безумие, конечно, раздражаться в такой ситуации... или нет? Кто знает, как следует реагировать, когда посреди ночи тебя вытряхивают из постели мужчины в цветных балаклавах? Он задался вопросом, как описал бы эту ситуацию, и не нашел ответа. В его произведениях такого не встречалось. — Хотя люди исходят из того, что в двадцатом веке каждый белый писатель должен быть *алкоголиком*.

— Хорошо, хорошо, — кивнул мистер Желтый. Он словно разговаривал с капризным ребенком. — Воды?

— Нет, благодарю. Я хочу, чтобы вы ушли, поэтому готов быть с вами абсолютно честным. — Он не знал, знаком ли мистер Желтый с едва ли не главным принципом человеческого поведения: если кто-то говорит, что собирается быть абсолютно честным, в большинстве случаев он станет врать быстрее, чем мчащаяся галопом лошадь. — Мой кошелек на комод в спальне. В нем чуть больше восьмидесяти долларов. На каминной полке керамический чайник...

Он показал. Мистер Синий повернул голову, мистер Желтый — нет. Мистер Желтый с улыбкой изучающе смотрел на Ротстайна, его глаза весело поблескивали из-под балаклавы. *Не срывает*, подумал Ротстайн, но отступить не хотел. Теперь, полностью проснувшись, он не только боялся — он кипел от злости, хотя понимал, что показывать этого нельзя.

— Там я держу деньги на расходы по дому, пятьдесят или шестьдесят долларов. Больше тут нет ни цента. Забирайте их и уходите.

— Гребаное брехло, — фыркнул мистер Синий. — Денег у тебя гораздо больше, дедун. Мы знаем. Поверь мне.

И тут, словно это был спектакль и последняя фраза служила сигналом, из кабинета донесся голос мистера Красного:

— Бинго! Нашел сейф! Большой!

Ротстайн знал, что мужчина в красной маске найдет сейф, но сердце у него все равно упало. Глупо держать в доме наличные только потому, что он не любил кредитные карты, чеки, облигации и прочие финансовые инструменты, все эти золотые цепи, которыми приковывают людей к самой сокрушительной американской машине уничтожения, работавшей по принципу займи-и-потрать. Но наличные могли стать его спасением. Наличные он

мог заменить. А вот записные книжки, числом более ста пятидесяти, — нет.

— Теперь шифр. — Мистер Синий щелкнул затянутыми в перчатку пальцами. — Выкладывай.

От распиравшей его злости Ротстайн едва не отказался — не зря Иоланта говорила, что его жизненная позиция всегда строилась на злости («Наверняка ты был таким же даже в своей проклятой колыбели», — говорила она), — но он устал и боялся. Если бы он уперся, они силой выбили бы из него шифр. Дело могло дойти до еще одного инфаркта, который он едва ли переживет.

— Если я назову вам шифр, вы возьмете деньги и уйдете?

— Мистер Ротстайн, — произнес мистер Желтый с, казалось бы, искренней (и потому гротескной) добротой, — вы не в том положении, чтобы торговаться. Фредди, сходи за сумками.

На Ротстайна дунуло ледяным воздухом, когда мистер Синий, он же Фредди, вышел через дверь кухни. Мистер Желтый тем временем продолжал улыбаться. Ротстайн уже терпеть не мог эту улыбку. Эти алые губы.

— Давай, гений, колись. Быстрее начнешь, быстрее закончишь.

Ротстайн вздохнул и продиктовал шифр, открывавший замок сейфа «Гардолл», вмонтированного в заднюю стенку шкафа:

— Три — два поворота влево, тридцать один — два поворота вправо, восемнадцать — поворот влево, девяносто девять — поворот вправо, потом на ноль.

Алые губы за маской разошлись шире, обнажив зубы.

— Я бы мог догадаться. Твой день рождения.

И пока Желтый выкрикивал шифр мужчине, стоявшему у сейфа в шкафу, Ротстайн пришел к крайне неприятным выводам. Мистера Синего и мистера Красного интересовали исключительно деньги. Мистер Желтый тоже мог получить свою долю, но Ротстайн не верил, что деньги — главная цель человека, который называл его

гением. Словно в подтверждение этих мыслей, мистер Синий вернулся, принеся с собой еще один порыв ледяного воздуха. Он притащил четыре пустые дорожные сумки. Они висели на его плечах, по две на каждом.

Из кабинета донесся крик мистера Красного:

— Святой Боже, Морри! Мы сорвали банк! Матерь Божья, тут прорва денег! В банковских конвертах! Их десятки!

Как минимум шестьдесят, мог бы сказать Ротстайн, может, и восемьдесят. С четырьмя сотнями долларов в каждом. От Арнольда Абеля, моего нью-йоркского бухгалтера. Дженни обналичивает чеки и привозит деньги в конвертах, а я кладу их в сейф. Только расходов у меня мало, потому что крупные счета Абель оплачивает из Нью-Йорка. Время от времени я даю чаевые Дженни, на Рождество — почтальону, но по другим поводам наличные трачу редко. Эта история с конвертами тянется долгие годы, и почему? Арнольд никогда не спрашивает, что я делаю с деньгами. Может, думает, что ко мне приезжает девушка по вызову, а то и две. Может, думает, что я играю на ипподроме в Рокингэме.

Но есть один забавный момент, мог бы сказать он мистеру Желтому (также известному как Морри), *я сам себя* никогда об этом не спрашивал. Не спрашивал и о том, почему я продолжаю списывать одну записную книжку за другой. Что-то ты просто *делаешь*, без всяких вопросов.

Он *мог* бы все это сказать, но молчал. Не потому, что мистер Желтый его бы не понял. Наоборот, алогубая улыбка свидетельствовала о том, что он как раз поймет.

Но пропустит мимо ушей.

— Что там еще? — крикнул мистер Желтый, по-прежнему не отрывая взгляда от Ротстайна. — Коробки? Коробки для рукописей? Того размера, как я тебе говорил?

— Никаких коробок, только записные книжки, — доложил мистер Красный. — Гребанный сейф набит ими.

Мистер Желтый улыбнулся, глядя в глаза Ротстайну: